

УДК 82.32

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-16-29

ПАРАДИГМА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. АСТАФЬЕВА 1980–2000-Х ГОДОВ

Щедрина Н. М.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить художественную специфику автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг.

Процедура и методы. Раскрываются составляющие автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева «Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Затеси». Внимание сосредоточено на писательской искренности, глубине постижения предмета, чувстве ответственности за человека и народ, выраженные художественно. Подход осуществляется с точки зрения литературоведческих понятий (автобиографический герой, автор-повествователь, авторская позиция). Используются биографический, структурно-герменевтический и культурно-исторический методы.

Результаты. Выявлены ключевые аспекты автобиографизма, отражающие авторскую концепцию произведения. Эстетическая, философская и психологическая парадигма астафьевских книг зиждется на исповедальности, публицистичности, лиризации повествования, процессах самопознания, роли автора-повествователя и открытости его позиции. Способы художественного воплощения связаны с индивидуальным жизненным опытом, переживаниями и авторской эмоциональностью писателя. Роль автобиографизма в произведениях классика русской литературы XX в. соотносятся с формальной и содержательной сторонами его творений: типами повествования, жанром, пространством и временем – становится инструментом самопознания и самоанализа, а также субъектным восприятием автором себя самого.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования определяется вкладом в разработку аспектов автобиографизма на конкретном материале произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг. В работе предлагаются пути анализа автобиографизма в рамках отдельного произведения и в целом последнего периода творчества писателя. Результаты могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы XX в., в специальных курсах по творчеству писателя.

Ключевые слова: автобиографизм, автопсихологизм, автор-повествователь, авторская позиция, самопознание, исповедальность, самовыражение, лиризм, публицистичность

PARADIGM OF AUTOBIOGRAPHICAL TYPE OF NARRATION IN THE WORKS OF V. P. ASTAFIEV IN THE 1980–2000S

N. Shchedrina*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the artistic specificity of the autobiographical type of narration in the works of V. P. Astafiev of the 1980-2000s.

Methodology. The components of the autobiographical type of narration in V. P. Astafiev's "Last bow", "Cursed and killed", "Zatesi" are revealed. Attention is focused on the writer's sincerity, the depth of comprehension of the subject, the sense of responsibility for human and people, and their artistic expression. The approach is carried out from the viewpoint of literary concepts: autobiographical character, author-narrator, author's position. Biographical, structural-hermeneutic and cultural-historical methods are used.

Results. The key aspects of autobiography, reflecting the author's concept of the work, have been identified. The aesthetic, philosophical and psychological paradigm of Astafiev's books is based on confession, journalism, lyricism of the narration, processes of self-awareness, the role of the author-narrator and the openness of his position. Methods of artistic embodiment are associated with the individual life experience, feelings and author's emotionality of the writer. The role of autobiography in the works of the classic of Russian literature of the twentieth century correlates with the formal and substantive aspects of his works: types of narration, genre, space and time; becomes a tool of self-awareness and introspection, as well as the author's subjective perception of himself.

Research implications. The study contributes to the development of aspects of autobiography based on specific material from the works of V. P. Astafiev in the 1980–2000s. The paper suggests ways to analyze autobiography within the framework of a separate work and, as a whole, the last period of the writer's work. The results can be used in lecture courses on the history of Russian literature of the twentieth century, as well as in special courses on the writer's work.

Keywords: autobiography, autopsychologism, author-narrator, author's position, self-knowledge, confession, self-expression, lyricism, journalism

Введение

Организирующим центром автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг. является автор. Для выявления его феномена воспользуемся теоретическим инструментарием, разработанным в литературоведении и изложенным в трудах М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Б. О. Кормана, Н. К. Гея, В. В. Кожина и др.

Под автором будем понимать носителя определённой концепции, некоего взгляда на действительность, выражением которого является всё произведение [9, с. 62]. Учитываем, что автор не тождествен своим персонажам, что он также вмещает речевые стили своих героев, выражающие их объективный мир. Присутствие автора в тексте выражено субъектными и внесубъектными формами [10, с. 23]. Носителем субъектных форм в произведении является автор-повествователь. Взгляды и ценности, лежащие в основе его убеждений, определяют позицию автора. «Извлечь» её

в произведении можно из декларируемых им принципов повествования, которыми он пользуется. Путь постижения взглядов писателя лежит и через героя, и через автора-повествователя. Повествователь ближе других к автору, хотя и он не совпадает с ним полностью.

О дистанции между реальным автором и повествователем неоднократно высказывались теоретики литературы, подчёркивая, что даже в автобиографическом повествовании такая дистанция существует, но она гораздо меньше, ибо писатель осмысливает свой жизненный опыт с некоторого временного расстояния. Автор-повествователь, а зачастую и персонифицированный автор своей активностью влияют и во многом определяют структуру произведения. Такое явление мы наблюдаем в творчестве русского классика Виктора Петровича Астафьева.

Говоря о проблемах изучения творчества писателя, Т. М. Вахитова подчёркивала, что «нужно выявить принципиальные

характеристики этого своеобразного астафьевского автобиографизма» [3, с. 6; 6]. Такая цель и ставится нами в статье.

Авторское начало в романе В. П. Астафьева «Последний поклон»

Ещё в 1977 г. В. Курбатов писал о том, что в центре художественного мира Астафьева находится биография самого «художника и биография его поколения» [14, с. 5]. Он также говорил об установке на подлинность рассказываемого самим автором, когда воспоминания становятся материалом для произведений и моделью создания художественного мира писателя. Как считает современный исследователь Д. В. Заваров, «автор в литературном произведении – это начало, изолированное от внешнего мира. Он пишет не так, как “выгодно”, а так, как это “соответствует истине”, разумеется, в его собственном понимании» [7, с. 113].

Это особенно специфично для «Последнего поклона» (1967–1994), истинной целью которого является не фиксация автором событий прожитой жизни, а их художественное переосмысление на уровне внутренней автобиографичности. Раскрывая «внутреннюю автобиографичность», следует подчеркнуть, что автобиографический герой Астафьева в такой же степени сотворён, как и любой другой образ «творческим построением» (Л. Я. Гинзбург) писателя. Собственная жизнь, биография, внутренний мир, служащие исходным материалом, сочетаются с вымыслом, обобщением и типизацией. В результате автор-повествователь выступает как художественный образ, который похож и одновременно не похож на реального биографического автора. «Равенство» «концептированного автора» [8, с. 120] и героя-рассказчика в итоге сводится не к биографическим, конкретно-бытовым реалиям, которые могут то совпадать, а то разниться с имевшими место событиями, а к сходным духовным процессам и душевным переживаниям (переживания, связанные с детством, взрослением и т. д.).

Например, в рассказе о деревенских играх в «Последнем поклоне» автор в заключение пишет о том, что нужно ценить настоящее, тот момент, в котором ты счастлив: «*Теперь-то я знаю: самые счастливые игры – недоигранные, самая чистая любовь – недолюбленная, самые лучшие песни – недопетые. И всё-таки грустно, очень грустно и жаль чего-то*» (курсив наш. – Н. Ш.)¹. Писатель словно сожалеет о своём, об утраченном детском восприятии жизни. «Я» героя Вити Потылицына и автора сливаются.

В начале «Последнего поклона» автобиографический герой находится в центре. В дополненных рассказах конца 1980-х гг. Астафьев уделяет много места социальным проблемам, а Виктор Потылицын, от имени которого ведётся повествование, заявленный в начале как главный герой, скорее, переходит в рядового персонажа, «верх» берёт рассказчик. Особенно это ощутимо в главах, написанных в последний период жизни, после выхода в 1989 г. в издательстве «Молодая гвардия» трёх частей «Последнего поклона», объединённых в одну книгу. Но и в этой, казалось бы, заключительной редакции автор решился на продолжение: «...жизнь подбрасывала и подбрасывала материалу. Как хвосту в огонь..., – пишет Астафьев в комментариях к пятому тому 15-томного собрания, – в одну главу не уложился, написал две: “Забубённую головушку” и “Вечерние раздумья”»², которые были опубликованы в 1992 г.

Специфика повествования «Последнего поклона» в том, что к автобиографическому материалу присовокупилось природное качество автора произведения – лиризм, о котором в своей книге «Миг и вечность» писал В. Курбатов [13]. Рассказывая о детстве Астафьева, рассматривая сиротство, рано пережитую смерть матери как определяющий момент в пробуждении этого

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. М.: Эксмо, 2010. С. 236.

² Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 3. Красноярск: Офсет, 2021. С. 412.

дара в деревенском мальчишке, критик полагал, что в творчестве и мироощущении писателя лирическая струя исходила от матери: «желание добра людям, открытость навстречу им и стремление помочь, а от отца – иронические интонации и лёгкое отношение к жизни» [13, с. 61].

Импульс всепоглащающего авторского лиризма рождён автобиографической основой. Структурно довлеющей и функционально значимой в «Последнем поклоне» становится ипостась героя-рассказчика и «концептированного» автора (использован термин Б. О. Кормана). По теории Л. Я. Гинзбург, лирическое начало сосредотачивается «в определённом кругу проблем, настроений» личностей, объединено «устойчивыми чертами – биографическими, сюжетными» [5, с. 146]. Эти основы заложены писателем в героя Витю Потылицына. Это чуткий характер, «песенная душа», открытость, завораживающая своей поэтичностью. Детское восприятие жизни придаёт книге искренность, непосредственность, ощущение чудесного и сказочного в мире. И если в первой книге романа его взросление проходит в тёплой атмосфере человеческих взаимоотношений, то во второй и третьей тон повествования постепенно смещается в силу обстоятельств в сторону более мрачной действительности. Герой мужает и физически, и духовно, хотя по-прежнему согрет автобиографическим лиризмом автора. Но Астафьеву необходимо транспонировать читателя в глубины душевного состояния Потылицына, выразить его и себя через горечь пережитого. Для этого к лиризму добавляется исповедальность, когда от имени своего «Я» и «я» героя дано раскаяние и осуждение себя в том, что не приехал на похороны, не отдал дорогому человеку последнего поклона: «Виноватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить её в памяти, поведать о ней другим людям, чтобы в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскали они её черты, и чтобы была её жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта. Нет у меня таких слов, которые смогли

бы передать всю мою любовь к бабушке, оправдали бы меня перед нею» (курсив наш. – Н. Ш.)¹.

И всё же жизненные примеры из биографии писателя, **лирико-исповедальные способности** повествования, важные для него, послужившие для того, чтобы рассказать о детских годах и юношеских годах, не могли в полной мере удовлетворить Астафьева, решившего отдать последний поклон той земле и тому месту, где он родился.

Необходимо было расширить пространство через ретроспективу, перейти через исторический охват событий на другой регистр. Писатель-сибиряк из чувства долга своими произведениями способствовал возвращению не только памяти, интереса к истории края, но и его роли для страны. Сибирский характер, как его понимал и чувствовал Астафьев, включал в себя лучшие черты нации. Ещё в давние времена жители этих краёв искали способ уйти «от ограничений и притеснений», жаждали свободы всех толков – религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной.

От малой Родины Астафьев идёт к жизни многих поколений сибирских крестьян, что делает книгу эпически масштабным повествованием. Хотя сам автор «Последнего поклона» именовал его повестью несмотря на то, что налицо все атрибуты романа, эпически масштабного, о жизни крестьянской Вселенной – сибирской деревни Овсянки. «Последний поклон» воспринимается не только как автобиографическая проза, а как самовыражение народного сознания. Такая позиция необходима автору для того, чтобы его голос услышали и чтобы читатель уверовал в происходящее. «Вот пишу я роман и вижу, что это вовсе и не роман, а рассказ *агромальных размеров* или всё та же любимая мною повесть, состоящая из отдельных кусков и рассказов. *Лоскутное одеяло, тёплое и даже красивое*, под ним можно спать. И всё же шились лоскутные одеяла по нужде, из-за нехватки "сырья", но *старанья, раденья, усилий, уменья, труда лоскутное одеяло требова-*

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. М.: Эксмо, 2010. С. 546.

ло от творца куда больше, чем одеяло из цельного лоскута или куска мануфактуры, чаще всего сатина или ситца... Снова с нуля, снова преодоление себя, своей неполноценности, познания, что и не дорос до построения такой сложнейшей, многоэтажной конструкции, как роман» (курсив наш. – Н. Ш.)¹.

В этих, казалось бы, парадоксальных рассуждениях писателя содержится мысль о происходивших в его авторском мировидении синтезирующих процессах, способствующих формированию эпического полотна необычной формы, требующей большей затраты авторской энергии по объединению «кусков» «лоскутного одеяла» в единое целое.

Произведения Астафьева не поддаются единому жанровому определению. В «Последнем поклоне» есть признаки произведений циклического свойства. Для цикла особенно важен способ соединения материала. В этом жанре ведущую роль, как и в нашем случае, выполняет автор-повествователь, именно его точка зрения на историю России «цементирует» и синтезирует все типы хроникального, летописного, документального повествований. Новация Астафьева заключалась в концентрации на публицистическом высказывании, исходившем от повествователя, ставшем этим объединительным началом произведения. При его помощи в эпическом полотне циклического свойства – в жанровой необычности романа XX в. – оказались слитыми очерк, рассказ, повесть, лирический, философский и публицистический жанры.

Оставаясь центром в организации субъектного строя «Последнего поклона», сам автор-повествователь именно своим прожитым опытом, философией на пути постижения истины и основ бытия и присутствием в книге объединяет рассказы в единое целое. Благодаря его взгляду воссоздан поэтический крестьянский сибирский космос. И становится очевидным,

что без постижения философии авторской мысли невозможно проникнуть в глубину книг Астафьева. «Последний поклон» постепенно обретает контуры философского произведения, опирающегося на материал собственной судьбы и русской национальной истории.

Так соединяются воедино два потока произведения: рассказ о судьбе мира, в котором появился и вырос автор (эпический пласт), и повествование о своих духовных ценностях, о меняющемся мироотношении (лирические открытия, ищущие опору в памяти).

Исследователи не раз отмечали, что поздние художественные произведения Виктора Астафьева отличаются особым накалом, частым открытым вторжением автора в текст, яркой публицистичностью [3, с. 7] и эмоциональностью повествования. Это ощутимо в главах «Последнего поклона», написанных в 1992 г., освещающих хаос современной действительности; возрастает роль итоговых сентенций, авторской тревоги и поиска причин выхода из кризиса (глава «Вечерние раздумья»).

Типы повествования, которые уже укоренились в «Последнем поклоне», стали очевидными и в дилогии «Прокляты и убиты».

Авторская позиция в «Проклятых и убитых» и способы её выражения

К созданию самого эпохального для Астафьева произведения о Великой Отечественной войне, к осуществлению главного замысла вела долгая дорога длиною почти в четыре десятилетия. В начале 1960-х гг. на Вологодчине появляются черновые наброски будущего романа: «Начал работать, а точнее, приступил к книге о войне, к которой шёл давно и готовился долго, п. ч. сам я участник войны, солдат, и не мог выполнять эту работу скоропалительно, неумело»². Грандиозность писательского замысла, его глубина, энергия памяти не

¹ Цит. по: Зайцев В. П., Герасименко А. П. Виктор Петрович Астафьев // История русской литературы второй половины XX века. М.: Высшая школа, 2004. С. 369.

² Астафьев В. П. На Вологодчине // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Красноярск: Офсет, 1998. С. 112.

давали ощущения творческой успокоенности: «роман “Прокляты и убиты” – книга жизни всё-таки»¹. Астафьев объясняет появление произведения тем, что «молчать и врать дальше невозможно»², что «силы Небесные вдохнули ... сей замысел», что «правда ... нашла отклик в таких же солдатских сердцах истинных окопников, израненных, насаженных неслыханной страшной войной»³, и «если о ней писать, то только так, как было. Покрывать морализированием и романтикой войну ... – преступление перед мёртвыми и живыми друзьями»⁴. Астафьев сетовал на то, как мало сил остаётся на создание книги, но его неограниченный опыт способствовал продвижению работы над романом: «Зато сейчас всё, каждый день сходится в дело и растёт, как дерево – всё на замысел работает»⁵. Он видел свою миссию прежде всего в том, чтобы донести до читателя «ту правду, ... которую не дали высказать»⁶, ощущал себя выразителем воли фронтовиков, их правды.

«Прокляты и убиты» дописывались в годы перестройки. И Астафьев через автора-повествователя активно «внедряет» свою точку зрения не только на Великую Отечественную войну, но и на всю российскую историю в целом, в том числе на современную действительность.

В основе романной фабулы «Проклятых и убитых» лежит ситуация войны, разрушения мира. В первой книге «Чёртова яма» писатель раскрывает испытание новобранцев на гуманность в условиях «своего» мира «чёртовой ямы» (землянки, «подземельной» казармы), пребывание в которой сродни пещерной жизни. Оно превращает

человека в зверя, недаром мотив «поедания» друг друга уже заложен в эпиграфе романа. Отсюда исходят и голод, и холод, поиск еды – все человеческие муки.

Во второй книге «Плацдарм» изображена битва за Днепр, переправа как вселенская катастрофа, в метафорическом смысле как переход границы от жизни к смерти. Вторая книга выросла из мысли Астафьева о том, что новобранцы были не готовы к войне. Голодных, завшивевших ребят кинули на плацдарм как живой отвлекающий щит.

В основе концепции взгляда на войну лежит точка зрения Астафьева-солдата. «Тема войны для меня – святая тема, и хочется, чтобы писалась трепетно, с болью и святым уважением к тем людям, с которыми я воевал, и которых приходилось мне хоронить вдоль долгих дорог войны»⁷, – признавался Астафьев. Он осознавал свою ответственность и подчёркивал, что «за меня “мою войну” никто не напишет, за нас, людей, никто не остановит страшную надвигающуюся грозу» (курсив наш. – *Н. Щ.*)⁸. В процессе работы откровенничал: «Трудно мне писать о войне, хотя “во мне” книга о войне, о “моей войне” идёт и идёт своим ходом, не умолкая, не оставляя меня и мою память в покое» (курсив наш. – *Н. Щ.*)⁹.

В начале «Проклятых и убитых» среди всех новобранцев, ехавших к месту назначения, выделен автобиографический герой Лёшка Шестаков. А уже в четвёртой главе романа обозначено место нахождения подразделения, где происходят события первой книги «Чёртова яма» – станция *Бердск и 21 полк*, который доукомплектовывался прибывшими из Казахстана призывниками. В «Автобиографии» Астафьев называет то же место. После окончания в 1942 г. железнодорожной школы проработал он по распределению на пригородной стан-

¹ Астафьев В. П. Время расплаты // Красноярский рабочий. 1996. 3 фев. С. 8.

² Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 797.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Астафьев В. П. Цит. по: Курбатов В. Я. Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 251.

⁶ Митрофанов Г. О романе «Прокляты и убиты» // Из фондов радио «Град Петров». Студия «Град Петров», 2007.

⁷ Астафьев В. П. На Вологодчине // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Красноярск: Офсет, 1998. С. 112.

⁸ Астафьев В. Сквозь время и годы // Астафьев В. Военные страницы: повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 6.

⁹ Там же.

ции Базаиха составителем поездов, оттуда добровольцем ушёл на фронт, «угодил ... в 21 стрелковый полк, располагавшийся под Бердском возле Новосибирска» (курсив наш. – Н. Ш.)¹.

С самого начала романа писатель не «упускает из виду» солдата Лёшку Шестакова, делая его свидетелем и участником всего происходящего. Через эволюцию психологического состояния солдата, через его поступки и мысли, очень близкие самому автору, идёт рассказ о войне. В начале диалогии боец осознаёт свою «малость», неспособность противостоять исторической мощи момента, в который он погружён, понимает, что «только строем, только рекой, полководьем возможно прорваться к краю света, к какой-то совсем иной жизни, ... ради которой веки вечные жертвовали собой и умирали люди по всей большой земле»². В конце осознает, что «...сам по себе он уже ничего не значит, себе не принадлежит, ... есть буря, есть поток, в которые он вовлечён, и шагать ему, и неть, и воевать, может, и умереть на фронте придётся вместе с этой всё захлестнувшей усталой массой» (курсив наш. – Н. Ш.)³.

В кульминационной сцене «Чёртовой ямы» Лёшка – свидетель расстрела братьев-близнецов Снегирёвых, который воспринял тяжело: «чудовищные прегрешения и преступления этих двух совсем окоченевших парнишек самих их ... ошеломили обвинительными словами»⁴. Через своего героя, тоже сопереживая, Астафьев ставит себя на место «другого», очень ему близкого человека. Стало в сердце Лёшки «томливо, ... видно, на все оставшиеся дни та вина за убиенных братьев Снегирёвых, мать их и отца, за всех невинно погубленных людей»⁵. И эта вина ляжет на всех.

Заканчивая первую часть романа «Чёртова яма», писатель именно Лёшке Шестакову передаёт мысль о невозвращении этих ребят с войны, об обречённости их судеб, когда заметил на улице бабу с коромыслом и вёдрами на плечах. Увидев уходящую на фронт колонну солдат, она вдруг поняла, что совершила непоправимое: пустые вёдра не к добру. Женщина «на мгновение обмерла, закрыла вскрикнувший рот ладонью и, круто повернувшись,хватила обратно, со звоном бросила вёдра, ... охлопала себя, ... ничего, дескать, не было, никаких пустых вёдер ... – женщина оберегала воинство от лихих напастей»⁶. Не столько заглаживая свою вину, сколько по старому русскому православному обычаю она «размашисто, будто в хлебном поле сея зерно, истово крестила войско вослед – каждую роту, каждый взвод, каждого солдата осеняла крестным знаменем русская женщина по обычаю древлян, по заветам отцов, дедов и Царя небесного, напутствуя в дальнюю дорогу, на ратные дела, на благополучное завершение битвы своих вечных защитников»⁷.

Во второй части романа «Плацдарм» Лёшка Шестаков, славный сибиряк, честный солдат осознаёт неспособность противостоять исторической мощи момента в себе. Повествователь передаёт нарастание в герое чувства духовной опустошённости, когда «не изведенное до сего дня ... беспросветное одиночество давило его», сердце «выло от запустелости»⁸. Передавая чувство Лёшки, автор продолжает от своего имени обобщение как итог своего переживания в ситуации войны и своего чувства, и солдата, о котором пишет: «И близость боя, возможность умереть не страшит, даже как бы тихо, ненавязчиво манит, сулит от всего избавление»⁹. В тексте романа уже отсутствует повествование от собственного «я». Рассказчик и герой отделены друг от друга большим промежутком времени, но они слиты, поскольку

¹ Астафьев В. П. Автобиография // Стародуб: Астафьевский ежегодник: материалы и исследования: Вып. 1. Красноярск: Сибирский федеральный университет, Библиотека-музей В. П. Астафьева, 2008. С. 10.

² Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 10.

³ Там же. С. 793.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Там же. С. 307.

⁸ Там же. С. 530.

⁹ Там же. С. 530–531.

Астафьев всегда пишет о пережитом, о том, что чувствует, как своё (чужое как «своё»), именно такое качество его личности и является доминантой автобиографичности, именно оно рождает духовную близость повествователя и героя, а также читателя с автором. Возникает та диалогичность, о которой писал М. М. Бахтин [1].

Раздумья о расхристианившейся Руси в подсознании возникли у Астафьева в 60–70-е гг. XX в., а в 1990-е они воочию запечатлелись в «Затеси», «Божьем промысле», масштабно – в романе-дилогии «Прокляты и убиты» и в ненаписанной третьей книге, которая значилась по замыслу. Её, условно говоря, составили страницы повестей и публицистики, отмеченные автобиографической полнотой, ведь жизнь писателя вобрала в себя историю страны. Человек и государство – тема, объединяющая роман с повестями «Так хочется жить» (1995), «Обертон» (1996), «Весёлый солдат» (1998), рассказ «Пролётный гусь» (2000).

Главная авторская идея произведений связана с биографией Астафьева – возвращение солдата с фронта. Человек, пришедший с войны, оказывается побеждённым государственной системой, становится, по сути, никому не нужным в своей стране, испытывает унижение, равнодушное отношение к себе. «Сколько повымерло от ран, от бесхлебья, от бездомовья»¹, – негодует автор.

Мысль В. Астафьева об уничтожении русского народа составляет основной пафос «Проклятых...». Она предупреждающе звучит в эпиграфе из Святого апостола Павла, где сказано: «Если же друг друга угрызёте и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом»². Выражена она и в крупной фигуре старообрядца Коли Рындина, в его разговоре с капитаном Мельниковым, а затем в восклицаниях солдата после расстрела братьев Снегирёвых; в апокалипсическом смысле, заложенном в названии романа. Астафьев

по-своему рисует «галерею небезгрешных праведников, кровью оплативших своё место в райских обителях» [11, с. 53]. В результате попраения христианских ценностей страна вынуждена расплачиваться человеческими жизнями. Вина ляжет на всех, Россию настигнет возмездие. Автор говорит о возможной каре, которая наступит из-за расхождения божественного и земного, природного и человеческого. В конце дилогии возникающая кара представлена в образе мифологического потоп.

Автобиографичность, более всего проявившаяся в голосе повествователя, художественно выразится в авторских отступлениях. Исследователи говорили и об особо «жёсткой» манере В. Астафьева, преобладании «личностного» [12, с. 621] элемента, когда авторские рассуждения становятся необходимым звеном в повествовании.

Диапазон публицистических рассуждений довольно широк: мир и война, жизнь и смерть, хаос и гармония, космос и земля, огонь и вода. Большинство звучат как философские размышления. В них раскрывается судьба российского крестьянства и тема земли, хлеба; проблема веры и возмездия за богоотступничество целой страны; Октябрьская революция, её последствия и отношение к вождю мирового пролетариата; советская система, пожирающая человеческую личность; развал армии в Стране Советов; война как проклятье, нависшее над судьбами человечества, и её вдохновители; уничтожение русского народа.

Через публицистические отступления чётко просматривается «авторская позиция» (о теоретическом понятии «авторская позиция» см.: [4]), закреплённая в художественной форме и содержании всего произведения Астафьева, но в этом типе повествования она выражена наиболее ярко. «Всё личное, выношенное и выстраданное... вылилось в страстную публицистику, проникнутую пафосом защиты дорогих автору идей» [13, с. 89]. Этот личностный аспект ведёт к тому, что явствен-

¹ Астафьев В. П. К жизни – без врага и без ненависти. Анкета ЛГ // Литературная газета. 1995. 9 мая. С. 3.

² Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 3.

нее звучит авторский голос, отчётливо заявлена его позиция. Суждения исходят из его правды о войне, связаны с внутренними ощущениями писателя, со взглядами на смысл жизни, совесть, на осознание своей вины.

Многие отступления имеют форму риторических вопросов и глубоких размышлений о причинах беспорядка и безответственности, творившихся в годы войны: «Хватит уж сорить людьми, хватит сорок первого года, когда лучшие бойцы погибали, не побывав даже в окопах, не увидев врага; не дойдя до передовой, целые соединения оказывались в котле, в окружении ... Напрасная гибель, бесполезная жизнь – ак, как горько это знать»¹. Автор-повествователь, за которым плечо к плечу стоит писатель, буквально напрямую обращается к власти.

Зачастую отступления носят полемический и риторический характер, в них можно выделить элементы дидактики, наставления и поучения. Они пронзительны, высказаны субъективные взгляды Астафьева, подчас на «запретные» темы.

Иногда они выполнены в форме молитвы-прошения о спасении, обращённой к Всевышнему: «Боженька, милый, за что Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое. Зачем отворотил от них Лик Свой и оставил сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель? ... Ведь многие из них ещё не успели никаких грехов сотворить. Здесь, в месте гибельном, ответь, Господи, за что караешь невинных? Слеп и страшен суд Твой, отмщение Твоё стрелою разящей летит не туда и не в тех, кого надобно разить...»².

Позиция автора-повествователя приводит нас к пониманию той антивоенной концепции, которая заложена во всём творчестве Астафьева. Благодаря её жёсткости читатель может осознать в полной

мере всю силу трагизма ситуации, в которой оказалась наша страна в то время. Всё это ещё больше повышает цену победы, жизни, свободы. Публицистические рассуждения автора полны скорби по нелепо и бездарно погибшим парням, негодования в адрес тех, кто не только не захотел сберечь их, но и приложил все силы, чтобы «извести» ребят.

С присущей ему иронией Астафьев описывает советское общество и стоящих во главе партийных работников: «Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина ... Наибольшего успеха передовое общество добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия...»³.

В. П. Астафьев в своих произведениях проповедует мир как естественное состояние, выступая его защитником. Поэтому диалогия «Прокляты и убиты» выглядит антиподом «Последнему поклону». В центр последнего эпического по размаху произведения поставлена проблема разрушения общечеловеческих ценностей, утрата того, что накапливалось веками в народной жизни и стало неким материком памяти автора.

Самопознание и автопсихологизм в философских миниатюрах В. П. Астафьева 1990-х годов

Автопсихологизм и самопознание – основы астафьевской философии творчества. Много мыслей об этом в «Затесях», которые он называл «малютки-произведения» и создавал как «зарубки» для себя и для других с 1972 г. В 15-томном собрании сочинений 1997 г. 7-й том был отдан «Затесям». К тому времени в нём насчитывалось уже около двухсот миниатюр. Астафьев называл книгу «дерзкой», отда-

¹ Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 354.

² Там же. С. 393.

³ Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 185.

вая себе отчёт в том, что «она для чтения под настроение».

Авторская открытость и откровенность продолжала оставаться главной в писательском труде. В лирико-философском эссе, ставшем последним из написанного им, он утверждал, что «поэт трудится с верой в то, что его слово спасёт мир от бурь и потрясений, избавит человека от одиночества, утешит, ибо поэзией двигала всегда вера в добро и милосердие: “Поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу”»¹.

Он считал, что главное для писателя, которого «одолевают думы о смысле жизни», не столько «сложнейшая работа человеческой души и разума»², сколько самопознание, выражение вечной неудовлетворённости самим собою, а также интимные откровения, «ибо каждый человек есть отдельный мир»³.

Вспоминается книга Николая Бердяева «Самопознание» – «выстраданное и выношенное произведение», философская автобиография, как называют её учёные. В этих двух книгах – «Самопознании» Бердяева и «Затесях» Астафьева – есть переключки. В предисловиях авторы размышляют о своих намерениях и чувствах. У Н. Бердяева читаем: «Между фактами *моей* жизни и книгой в них будет лежать акт познания, который меня более всего интересует ... дело идёт о самопознании и потребности *понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу*» [2, с. 8] (курсив наш. – Н. Ш.).

Процесс самопознания, как утверждал Астафьев, есть процесс постижения смысла жизни «через себя»⁴. Это первая и главная составляющая для человека, особенно для творческого.

¹ Речь Виктора Петровича Астафьева на церемонии открытия Красноярского литературного лица 26 октября 1998 года // И открой в себе память...: воспоминания о В. П. Астафьеве: материалы к биографии писателя; гл. ред.-сост. Г. М. Шленская; ред. сост. Н. Я. Сакова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. С. 149.

² Астафьев В. П. Затеси. РГ «Вся Сибирь». Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2003. С. 681.

³ Там же. С. 681.

⁴ Там же. С. 682.

Из астафьевских слов признания в комментариях к «Затесям» явствует, что самопознание – путь осмысления самого себя и окружающего мира, осуществлённый для передачи накопленного опыта другим, тем, кто захочет воспользоваться и к нему прикоснуться. И процесс этот происходит в человеке непременно, кем бы он ни был – композитором, писателем, артистом, певцом, просто человеком, занимающимся творчеством. Книга обращена в большей степени к таким людям и содержит раздумья В. П. Астафьева о философии творчества. Лиризм в этой книге «создаётся благодаря “нераздельной неслиянности” мира природного и человеческого» [15, с. 102].

Виктор Астафьев осознавал и себя Творцом, иначе бы не стал делать в миниатюре «Цена искусства» такого обобщения: «На старости лет я познал все прелести её [профессии творца], и могущество, и слабость, и счастье сотворения, и горечь поражения. Уже пятьдесят лет мучаю бумагу, а она меня»⁵. Не обошёл он и счастье, и радость, и таинство в писании, которое сам испытывал. Но в то же время говорил и об унынии, усталости, рабстве, вынужденном страдании, которое порою одолевает творческого человека, а также и об ответственности и тяжести писательского труда.

И как в «Затеси» «Что есть поэзия?», так и в других он «стихотворцами» называл творческих людей, несших «свой голос на люди», «душу на обозрение», но речь вёл и о себе самом, обнажая свою истерзанную самосудом, сомнениями, печалью душу.

Жить Астафьеву оставалось не больше года.

Творцы, идущие по пути самопознания, всегда стремятся «услышать родственный отклик» или утешение «врачующей» людской похвалы⁶.

В своих комментариях к «Затесям» автор выражал надежду на то, что его «михоходные зарубки и меты на стволах “древа жизни”» хоть немножко, хоть чуть-чуть обозначат ему просвет впереди... утешат его в горькой и все более духовно и мате-

⁵ Там же. С. 544.

⁶ Там же. С. 619.

риально нищающей жизни, а кого, быть может, образуют, заставят вспомнить о Боге и ближнем своём»¹.

Заключение

Авторская установка В. П. Астафьева в творчестве последнего периода отличалась особой активностью, явилась в большей степени способом синкретизации художественных и публицистических типов повествования.

Феномен автобиографизма В. П. Астафьева вырос из желания поделиться жизненным опытом, процессами самопознания, так и из открытости позиции автора-повествователя, его постоянной полемики с устоявшимися нормами жизни советского общества. Автобиографическая основа этапных книг писателя обусловила прямое включение авторского «я» в систему повествования.

Способы художественного воплощения автобиографизма связаны с автор-

ской эмоциональностью и открытостью его натуры, с глубиной постижения предмета исследования и трезвостью оценок, с чувством ответственности за человека и за народ. О саморефлексии как субъектном типе сознания автора речь шла в статье «Феномен авторского самовыражения в произведениях В. П. Астафьева» [16].

Парадигма автобиографизма в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг. включает в себя различные типы повествования: лирический и публицистический, психологический и исповедальный, монологический и риторический и др.

Дальнейшие перспективы работы могут быть связаны с анализом внесубъектных форм авторского присутствия в произведениях русского советского классика, а также со сферой вечных идей как первообраза, с которым Бог-Демииург создаёт мир.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 447 с.
3. Вахитова Т. М. Явные и скрытые сложности в изучении творчества Виктора Астафьева // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры: материалы Всероссийской конференции с международным участием, Красноярск, 26–27 апреля 2012 г. Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2012. С. 3–11.
4. Гей Н. К. Художественность литературы. М.: Наука, 1975. 472 с.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. 3-е изд. М.: Интрада, 1997. 416 с.
6. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской литературы второй половины XX века. Мичуринск: Московский педагогический государственный университет, 2006. 265 с.
7. Заваров Д. В. «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 111–117.
8. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1992. 236 с.
9. Корман Б. О. Образцы изучения текста. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1974. 252 с.
10. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
11. Крылова С. В. Память войны в прозе Ярослава Шипова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2016. № 2. С. 48–53.
12. Кураев М. Н. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 621–627.
13. Курбатов В. Я. Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1983. 166 с.

¹ Астафьев В. П. Затеси. РГ «Вся Сибирь». Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2003. С. 684.

14. Курбатов В. Я. Виктор Астафьев. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977. 71 с.
15. Курбатов В. Я. Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 432 с.
16. Стадниченко В. А., Хрящева Н. П. «Затеси» В. П. Астафьева: лирико-философские миниатюры в системе малых форм «Первой тетради» // Филологический класс. 2017. № 2 (48). С. 100–103.
17. Щедрина Н. М. Феномен авторского самовыражения в произведениях В. П. Астафьева // Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография / отв. ред. и сост. И. А. Киселева. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 226–262.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
2. Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 447 p.
3. Vakhitova T. M. [Explicit and Hidden Difficulties in Studying the Work of Viktor Astafiev]. In: *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste mirovoj kul'tury: materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnoyarsk, 26–27 aprelya 2012 g.* [Creativity of V. P. Astafiev in the Context of World Culture: Materials of the All-Russian Conference with International Participation, Krasnoyarsk, April 26–27, 2012]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 2012, pp. 3–11.
4. Gei N. K. *Hudozhestvennost' literatury* [The Artistry of Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 472 p.
5. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About Lyrics]. Moscow, Intrada Publ., 1997. 416 p.
6. Goncharov P. A. *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste russkoj literatury vtoroj poloviny XIX veka* [Creativity of V. P. Astafiev in the Context of Russian Literature of the Second Half of the Twentieth Century]. Michurinsk, Moscow Pedagogical State University Publ., 2006. 265 p.
7. Zavarov D. V. [“Badgers” by Leonid Leonov: The Author Against the Conventional Image of the Writer]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 3, pp. 111–117.
8. Korman B. O. *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works on the Theory and History of Literature]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1992. 236 p.
9. Korman B. O. *Obrazcy izucheniya teksta* [Samples of Text Study]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1974. 252 p.
10. Korman B. O. *Praktikum po izucheniyu hudozhestvennogo proizvedeniya* [Workshop on the Study of a Work of Art]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 110 p.
11. Krylova S. V. [The Memory of War in Prose of Yaroslav Shipov]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the State University of Humanities and Technology], 2016, no. 2, pp. 48–53.
12. Kuraev M. N. [Viktor Astafiev and the End of Peasant Rus']. In: *Dar slova: Viktor Petrovich Astaf'ev: (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Gift of Words: Viktor Petrovich Astafiev: (On the 85th Anniversary of His Birth)]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov Publ., 2009, pp. 621–627.
13. Kurbatov V. Ya. *Mig i vechnost': Razmyshleniya o tvorchestve V. Astaf'eva* [Moment and Eternity: Reflections on the Work of V. Astafiev]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983. 166 p.
14. Kurbatov V. Ya. *Viktor Astaf'ev* [Viktor Astafiev]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977. 71 p.
15. Kurbatov V. Ya. *Nechayannyj portret. Vremya v zerkale odnogo dnevnika* [Accidental Portrait. Time in the Mirror of One Diary]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov Publ., 2009. 432 p.
16. Stadnichenko V. A., Khryashsheva N. P. [“Zatesi” by V. P. Astafiev: Lyrical and Philosophical Miniatures in the System of Small Forms of the “First Notebook”]. In: *Filologicheskij klass* [Philological Class], 2017, no. 2 (48), pp. 100–103.
17. Shchedrina N. M. [The Phenomenon of Author's Self-Expression in the Works of V. P. Astafiev]. In: Kiseleva I. A., ed. *Cennostnye osnovy nacional'noj kartiny mira v russkoj literature* [Value Bases of the National Picture of the World in Russian Literature]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019, pp. 226–262.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэля Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nellya M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н. М. Парадигма автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х годов // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 16–29.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-16-29

FOR CITATION

Shchedrina N. M. Paradigm of Autobiographical Type of Narration in the Works of V. P. Astafiev in the 1980–2000s. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 16–29.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-16-29